

УДК 811.111'271.16+811.161.1'271.16
 ББК 81.2Англ-5+81.2Рус-5
 DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-119-126

В. В. Леонтьев
 Волгоград, Россия

Victor V. Leontyev
 Volgograd, Russia

РЕЧЕВОЕ ПОДТРУНИВАНИЕ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

BANTER IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUA-CULTURES

Исследование посвящено сравнительному анализу речевого подтрунивания в английской и русской лингвокультурах.

Подобный вид сравнительного анализа данного речевого действия проводится впервые в отечественной лингвистике.

В исследовании проведен краткий анализ работ отечественных и зарубежных лингвистов, посвященных изучению отличительных характеристик речевого подтрунивания.

На основании дефиниций речевого подтрунивания из толковых словарей английского и русского языков, а также произведений художественной литературы второй половины XIX–XX вв. на английском и русском языках в исследовании проведен анализ основных характеристик речевого подтрунивания в данных лингвокультурах.

Ключевые слова: речевое подтрунивание, шутка, насмешка, речевая стратегия, лингвистическая вежливость, лингвистическая невежливость, лингвистическая (не)вежливость, фактор адресата.

The research is devoted to the comparative analysis of banter in English and Russian lingua-cultures.

The comparative analysis of the given type is being done for the first time in the home linguistics.

The short analysis of the works by home and foreign linguists devoted to the studying of distinctive characteristics of banter has been done in the research.

The analysis of the main characteristics of banter in the given lingua-cultures has been done in the research based on definitions of banter in the explanatory dictionaries of Russian and English languages and the English and Russian fiction of the second half of the 19th century and the 20th century.

Key words: banter, joke, mockery, speech strategy, linguistic politeness, linguistic impoliteness, linguistic (im)politeness, factor of an addressee.

Сведения об авторе: Леонтьев Виктор Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной коммуникации.

Место работы: Волгоградский государственный университет.

E-mail: leontiev_vgu@mail.ru
 ORCID 0000-0002-9683-3255

About the author: Leontyev Victor Vladimirovich, Ph.D. in Linguistics, Associate Professor of the Department of Foreign Language Communication.

Place of employment: Volgograd State University.

E-mail: leontiev_vgu@mail.ru
 ORCID 0000-0002-9683-3255

Введение: Речевое подтрунивание как объект исследования

Как справедливо замечает О. Б. Сиротина, «речевой жанр сложился ... в реальном восприятии бытового общения прежде всего с точки зрения получателя речи» [1: 27].

При этом адресат (реципиент) высказывания волен реагировать на услышанное высказывание адресанта совершенно по-разному, трактуя его сообразно своим жизненным знаниям, своему коммуникативному опыту и эмоциональному состоянию. Данная оценка адресатом не только вербальна: высказывание «становится значимым и интерпретируемым ... при взаимодействии вербальных, кинетических и просодических действий в контексте» [2: 248].

Фактор адресата играет краеугольную роль также в исследовании сложного социопрагма-

тического феномена вежливости. Цель изучения вежливости на теоретическом уровне заключается в понимании того, как люди успешно управляют межличностными отношениями для достижения личных и групповых интересов [3: 1]. За последние три десятилетия вежливость стала объектом изучения многочисленных работ зарубежных и отечественных лингвистов [4–16].

В исследовании вежливости фактор адресата играет кардинальную роль потому, что именно адресат дает оценку (не)речевого поведения адресанта как вежливого или невежливого (грубого), т. е. адресат оценивает проявление в речи своего собеседника социально-культурного феномена вежливости, связанного с основными принципами социокультурной организации общества и межличностными отно-

шениями, существующими между его членами, с их коммуникативным сознанием [4: 30].

Вежливость не перформативна по своей сути, и нельзя утверждать, что конкретные лексемы или синтаксические формулы данного языка могут служить только средством выражения вежливости. Как показали многочисленные исследования, одни и те же лексемы и синтаксические конструкции могут служить средством выражения как вежливости, так и невежливости.

Коммуниканты стремятся вести себя вежливо, учтиво по отношению друг к другу, руководствуясь общепризнанными культурно-специфичными нормами. Но в каждом конкретном случае вербальное и невербальное поведение адресанта может быть оценено адресатом как вежливое, уместное, учитывающее его личность и одновременно оно может быть оценено как неуместное, невежливое (грубое) другими коммуникантами в зависимости от их степени воспитанности, уровня внутренней культуры и ожиданий от данного коммуникативного действия.

Поэтому представляется оправданным употребление в современной зарубежной прагматике зонтичного термина «лингвистическая (не)вежливость» для обозначения всех видов оценочных значений относительно коммуникативного поведения адресанта: от оценки данного поведения адресатом как сердечного, одобрительного, тактичного, вежливого, уважительного, почтительного до его оценки адресатом как высокомерного, пренебрежительного, агрессивного, грубого [17: 97].

Иными словами, только детальный анализ широкого коммуникативного контекста, учет социальных статусов коммуникантов, учет истории их взаимоотношений, равно как и их эмоционального состояния (испытывают ли они положительные эмоции радости, восторга или отрицательные эмоции раздражения, гнева) позволит относительно точно отнести анализируемое высказывание к категории вежливых или грубых.

Интерпретация адресатом высказывания адресанта значительно усложняется в условиях так называемой не прямой коммуникации, т. е. содержательно осложненной коммуникации, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата [18: 5].

В монографии В. В. Дементьева к речевым жанрам (далее – РЖ) не прямой коммуникации относятся светская беседа, флирт, шутка, ирония, издевка, розыгрыш, колкость, косвенная угроза и ряд других [18: 259–335].

В данной классификации шутка и флирт относятся к фатическим РЖ, улучшающим межличностные отношения в косвенной форме. Автор также выделяет РЖ, улучшающие межличностные отношения в прямой форме, РЖ, ухудшающие эти отношения в прямой и косвенной форме, соответственно и праздноречевые РЖ, сохраняющие межличностные отношения в прежнем виде [18: 264–274].

РЖ «Шутка», будучи результатом нестандартного, творческого подхода к языку, является особым РЖ, осуществляющимся в ходе реализации говорящим (адресантом) установок на комический эффект. Особый режим комического, в котором продуцируются и интерпретируются шутки и другие РЖ, обладающие свойством «шуточности», противопоставлен нормативному – серьезному режиму [19: 284].

Если РЖ «шутка» относительно полно изучен в работах отечественных жанроведов, то такой вид шутивого речевого поведения, как подтрунивание пока не получил должного исследования в отечественной лингвистике. Так, в статье петербургского лингвиста Е. А. Рудневой приводятся краткие описания подтрунивания (подшучивания) коммуникантов друг над другом в русской коммуникативной культуре. Исследуя отношения коммуникантов на рабочем месте, автор относит речевое подтрунивание к стратегии поддержания отношений и снижения напряженности в рабочем коллективе [9: 233].

Что касается исследования речевого подтрунивания западными лингвистами, то начало было положено в классическом труде Дж. Лича (Leech) «Principles of Pragmatics», в котором автор уделил значительное внимание этому речевому феномену.

Речевое подтрунивание (*banter*) в терминах Дж. Лича относится к речевым средствам выражения так называемой шутилой (мнимой) невежливости (*mock impoliteness*). Автор выдвигает риторический принцип речевого подтрунивания (*The Banter Principle*): «Для того, чтобы проявить солидарность с *h*, скажите что-то, что (i) является очевидным ложным, и (ii) очевидно невежливым по отношению к *h*» [12: 144], добавляя, что, как и ирония, речевое подтрунивание должно очевидным образом трактоваться как несерьезное действие.

В терминах М. Кинпоинтера, различающего кооперативную и некооперативную грубость, речевое подтрунивание (*banter*), наряду с ироничной грубостью (*ironic rudeness*) и так называемой «грубостью на пользу общим интересам» (*common interest rudeness*), служащей интересам большинства участников коммуникативного процесса, относится к стратегиям кооперативной грубости и отождествляется

с шуточной (мнимой) невежливостью. Подтрунивание понимается автором как речевое средство, позволяющее предположить, что в случае очень близких и прочных взаимоотношений коммуникантов их социальным лицам не могут угрожать даже очевидно грубые высказывания [20: 262].

В понимании С. Миллз (Mills) в ряде ситуаций речевое подтрунивание или мнимая (шутливая) невежливость могут позволить адресанту произнести что-то, близкое к их истинным чувствам в преувеличенном виде, в то же время подавая сказанное таким образом, что на поверхностном уровне эти фразы будут интерпретированы как нечто несерьезное [14: 124].

В работе М. Дынея (Dyneel) речевое подтрунивание понимается как особая языковая игра с целью укрепления взаимоотношений коммуникантов. Автор считает, что подтрунивание не кажется оскорбительным даже на первый взгляд, так как в его основе лежит не мнимое (шутливое) оскорбление (mock abuse), а остроумные ответы по нейтральной теме, или совместно созданные каламбуры, не обладающие каким-либо агрессивным потенциалом. В терминах автора речевое подтрунивание (banter) наряду с поддразниванием (teasing) следует отличать от специфического некооперативного типа юмора, цель которого заключается в том, чтобы сконфузить или унижить адресата (putdown humor) [21: 246, 257].

Взгляду М. Дынея на речевое подтрунивание очень близка позиция М. Хо (Holigh) и Д. Буффилда (Bousfield) [22], полагающих, что речевое подтрунивание по сути равнозначно мнимой (шутливой) невежливости и что эти феномены соотносятся друг с другом следующим образом: мнимая невежливость представляет собой социальную оценку (evaluation), а речевое подтрунивание – социальное действие (action). Социальная оценка подразумевает оценивание личности или взаимоотношений, а социальное действие подразумевает направленное (не)вербальное поведение отдельных коммуникантов, принимающее во внимание действия и реакции других индивидуумов [22: 1103].

Таким образом, речевое подтрунивание широко исследуется в зарубежных работах по лингвистической (не)вежливости, представляя собой очень сложный многогранный феномен, относящийся к категории так называемых «смешанных речевых посланий (сообщений) (mixed messages)», т. е. речевых действий, содержащих характерные черты, направленные на вежливую интерпретацию, смешанные с характерными чертами, направленными на невежливую интерпретацию. К этой же категории следует отнести в том числе сар-

казм, поддразнивание, шуточное оскорбление, ритуальные оскорбления, мнимое (шутливое) издевательство, мнимую (шутливую) невежливость, мнимую (шутливую) вежливость и ряд других (не)речевых явлений [23: 323–324].

Наша статья представляет собой начальный этап сравнительного исследования феномена речевого подтрунивания в русской и английской лингвокультурах. Мы ставим перед собой задачу проанализировать возможные сходства и различия проявления речевого подтрунивания в повседневной коммуникации представителей английской и русской культуры.

Оговоримся, что при анализе примеров (не)речевого взаимодействия коммуникантов в повседневном общении мы придерживаемся социологического подхода в изучении лингвистической (не)вежливости, предложенного Д. З. Кадаром (Kádar) и М. Хо (Haugh), в терминах которых лингвистическая (не)вежливость по сути своей представляет социальную практику (social practice) [11: 47].

1. Речевое подтрунивание в русской лингвокультуре

Как известно, для современной русской культуры характерна дуальная модель мышления, развившаяся на основе дуальных моделей средневековой русской культуры и русского православия в целом, с его «двуполусным ценностным полем, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны» [24: 220]. В системе русского православия всегда отсутствовало (и отсутствует) понятие чистилища, очень важное для западных католических и протестантских стран.

Двуполусность русской системы ценностей привела к формированию основных коммуникативных / некоммуникативных сценариев русской культуры, таких как: а) стремление к гармоничному, личностно не-нейтральному общению, потребность в нем и получение от него удовольствия; б) высокий уровень востребованности доверия к собеседнику в важных разговорах, готовность говорящих подвергать обсуждению, оценке, самооценке наиболее критические моменты в своем эмоциональном и интеллектуальном «Я», склонность давать и получать советы, касающиеся этих моментов; в) несклонность к утилитарному отношению к общению, к подчинению его внешней цели [25: 265–266].

Как следствие вышеуказанных особенностей развития русской культуры, в отличие от западных культур, следует охарактеризовать как культуру вежливости солидарности в терминах Р. Ратмайр (данное понятие близко понятию позитивной вежливости в терминах П. Браун (Brown) и С. Левинсона (Levinson)

[10]), что проявляется в свойственной большинству русских коммуникантов спонтанной открытости в общении. Подчеркивание принадлежности собеседников к области своего, т. е. очень близкого (разговорное клише «*мы же свои люди*»), как и подчеркивание чего-то общего с собеседником являются вежливыми в ситуациях, в которых в англо-американских и немецко-язычных культурах требуется соблюдение дистанции. В частности, РЖ «разговор по душам» или «изливание души» характерны именно для представителей русской культуры, так как эти жанры не несут угрозы личной неприкосновенности русских коммуникантов, в отличие от представителей индивидуалистических западных культур [8: 147–148].

Как отмечает В. В. Дементьев, в русской культуре именно фатическая, а не информативная коммуникация представляет особую ценность. Это объясняет тот факт, что базовые коммуникативные ценности нашей родной культуры связаны именно с фатикой [25: 231–232].

Выскажем предположение, что в силу характерной для русской культуры спонтанности в общении речевое подтрунивание весьма распространено в коммуникации ее представителей, но с одной оговоркой: коммуниканты должны очень хорошо знать друг друга, быть родственниками или друзьями, работать в одном коллективе (*community of practice*).

В русской культуре подтрунивание трактуется как в целом позитивное для адресата речевое действие, иллюкативная цель которого заключается в укреплении существующих взаимоотношений коммуникантов. В силу чего высказывания речевого подтрунивания в русской культуре ассоциируются с мягкими, дружескими шутками в адрес собеседника:

Подтрунить – слегка посмеяться. П. над чьей-либо застенчивостью, неловкостью. П. над товарищами, над окружающими. П. над лучшими чувствами [26].

В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» отмечается, что лексический ряд *подшучивать, подтрунивать* близок по значению к ряду *насмехаться, смеяться 2, потешаться, шутить*, но предполагает меньшую интенсивность действия и мягкую, дружескую манеру речи [27: 206–207].

Если же мы обратимся к вопросу понимания речевого подтрунивания рядовыми представителями русской культуры, например, середины XIX в., то на основании анализа дефиниций данной лексемы из словарей той эпохи можно сделать вывод, что подтрунивание как повседневное речевое действие подразумевало более жесткое отношение к объекту речевой

шутки, чем в настоящее время. Что подтверждается следующей дефиницией из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля [28]:

Подтрунивать, подтрунить над кем – подшучивать, подсмеиваться, зубоскалить, поднять на зубки, изгаляться. ся, страд.

Подтруниванье, подтрунка – действие по гл.

Подтрунчивый человек – охочий трунить, насмешливый.

Можно предположить, что представители русской культуры середины XIX столетия ассоциировали речевое подтрунивание с довольно жесткой формой иронии, близкой к насмешке:

Просидели мы там очень недолго. Проводя нас в переднюю, Эмилия, точно в оправдание, беспрестанно повторяла: «Я так испугалась, так испугалась».

*Это были чуть ли не единственные слова, которые я от нее услышала. Лишь только мы очутились на улице, Бойко начал **подтрунивать** надо мной. «Ну что, ведь говорил вам, что нечего было идти? А вы все свое *!* скорей да скорей!» И он насмешливо передразнивал мой голос. (С. М. Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия).*

Что касается современной русской культуры, то, как показало наше исследование, речевое подтрунивание распространено во взаимоотношениях очень близких людей, уважающих и любящих друг друга, могущих в силу близких взаимоотношений мягко пошутить друг над другом. В этом случае коммуникативная цель адресанта подтрунивания заключается не в самой шутке и не в принижении достоинств адресата, а в укреплении существующих между ними межличностных взаимоотношений и в одновременном доставлении друг другу эстетического удовольствия от своеобразной речевой игры:

*Они любили друг друга, хотя, конечно, никогда в жизни не говорили об этом, а, наоборот, бесконечно **подтрунивали** друг над другом (Ф. Искандер. Сандро из Чегема).*

*И все затихло. Почему я их не догнал? В прошлом году этого бы не случилось. В прошлом году я бы их, моих друзей, запросто догнал и мы бы вместе стали хохмить и **подтрунивать** друг над другом. Что-то изменилось за два года, за год. Эти посиделки были подсознательной попыткой что-то восстановить, но что-то изменилось и после посиделок мы идем в разных направлениях (В. Аксенов. Таинственная страсть).*

2. Речевое подтрунивание в английской лингвокультуре

Если обратиться к толковым словарям английского языка, то можно сделать предварительный вывод, что для представителей

английской культуры подтрунивание носит в целом положительную направленность в сторону адресата (объекта данного речевого действия), близкую к незлобным шуткам или мягкой иронии:

Banter n

1) добродушное подшучивание; шутки

2) шутливая беседа

to banter v

1. 1) добродушно подшучивать, подтрунивать, поддразнивать

2) (with) вести шутливую беседу, обмениваться шутками [29].

banter n friendly remarks, jokes (дружеские замечания, шутки)

to banter v (with smb) to make jokes (шутить, разыгрывать шутки) [30].

С другой стороны, вышеприведенные теоретические рассуждения западных лингвистов, равно как и проанализированные нами примеры из художественной литературы, указывают на то, что речевое подтрунивание в английской культуре не всегда можно интерпретировать как коммуникативное действие, дружеское по отношению к адресату, не наносящее ему обиды.

В ряде случаев подтрунивание среди представителей английской культуры может быть интерпретировано как близкое к насмешке.

Как отмечает В. И. Карасик, насмешка, т. е. обидная шутка, представляет собой коммуникативное действие, состоящее в понижении значимости объекта оценки путем подчеркивания его нелепой комичности с целью причинить ему зло и получить от этого удовольствие. Психологическая природа насмешки заключается в вытеснении зависти или страха через выпускание отрицательных эмоций, т. е. насмешка – это вид агрессии [31: 231].

Содержательный минимум одноименного концепта включает следующие базовые признаки: 1) шутка, 2) причиняющая обиду, 3) свидетельствующая о несерьезном отношении к адресату [31: 232].

Потенциальную близость речевого подтрунивания именно к насмешке в когнитивном мире представителей английской культуры можно проиллюстрировать на следующем примере:

“What’s he really doing over there?” She shook her head. “I assumed he was going to the apartment to pick up some papers”, she said vaguely. She darted a glance across the table and colored when she saw the piercing intelligence in his dark eyes. “When are you going to level with me, Sorella?” he asked lightly. She tried to pretend that she didn’t know what he meant. But his bantering tone was deceptive. He leaned forward. “I know it’s difficult for you living in the world of make-believe as you obviously do. But I’m not a fool and object to be thought one” (Heywood S. Castle of Desire).

Как видно из коммуникативного контекста, женщина-адресат инициального вопроса, заданного ее собеседником, с кем она хорошо знакома, попыталась уйти от четкого ответа, чем вызвала его весьма ироничное подтрунивание. Довольно жесткое подтрунивание мужчины-собеседника было обусловлено его отрицательным эмоциональным состоянием, в свою очередь, вызванным неправильным поведением женщины, явно несоответствующим, по мнению адресанта подтрунивания, коммуникативной ситуации.

Выскажем предположение, что речевое подтрунивание чаще интерпретируется представителями английской культуры все же как добродушное подшучивание над собеседником с целью улучшить его/ее эмоциональное состояние, с целью укрепления сложившихся межличностных взаимоотношений, на что указывают вышеприведенные данные словарей английского языка.

Проанализируем следующий диалог:

His voice was pleasantly cajoling. “Take pity on a lonely bachelor. I’d like to take you out. I know of a very lovely hotel where we can enjoy a fabulous meal and afterwards take a romantic stroll by the sea in the midnight”. She said lightly, “The meal sounds tempting, but I’m not so sure about the moonlight stroll”. “Sophie, is there no romance in your scientific soul?” She paused before replying. This light-hearted banter was amusing but she mustn’t let it get out of hand. Giles, in spite of his charm was not the type of the man she admired, still less the type of the man with whom she could fall in love (Bowring M. Vets in Opposition).

В данном контексте мужчина-адресант применяет стратегию беззаботного подтрунивания в адрес женщины, которая ему нравится и с которой он хотел бы провести вечер. Женщина-адресат частично соглашается с предложенным планом приятно провести время в компании мужчины, хотя осознает, что ее собеседник не относится к мужчинам ее мечты. Тем не менее последовавший вопрос относительно отсутствия в ее душе романтических черт был воспринят ею не как попытка оскорбить ее, или злобно посмеяться над ней, а как речевое подтрунивание, добродушное подшучивание, помогающее адресанту укрепить их взаимоотношения.

Заключение

Проведенный нами начальный этап в исследовании феномена речевого подтрунивания в русской и английской лингвокультурах позволяет сделать предварительный вывод о том, что данное речевое действие чаще выступает речевой стратегией укрепления личностных взаимоотношений между хорошо знакомыми коммуникантами.

В подобных ситуациях даже несколько грубая, на первый взгляд форма, речевого подтрунивания не приводит к оскорблению адресата, а может доставить как адресату, так и адресанту определенное эстетическое удовольствие.

Если говорить о русской культуре, то речевое подтрунивание в целом не характерно для общения малознакомых коммуникантов, хотя многое здесь зависит от социальных статусов и возраста общающихся.

Что касается английской культуры, то мы делаем предварительный вывод, что в силу культурной специфики английского социума речевое подтрунивание характерно даже для общения малознакомых коммуникантов.

При анализе речевого подтрунивания как вида шуток очень важно обращать самое пристальное внимание не только на соотношение социальных статусов коммуникантов и историю их взаимоотношений, но и на их эмоциональное состояние.

Выскажем требующее дальнейшей верификации предположение, что как в русской, так и в английской культуре молодые малознакомые коммуниканты более склонны к речевому подтруниванию по сравнению с более взрослыми людьми в силу различий в системе воспитания и в ценностных структурах.

Полагаем, что для более детального понимания сходств и различий речевого подтрунивания в указанных лингвокультурах представляет несомненный интерес проведение анализа языковых средств выражения подтрунивания в женских и мужских коллективах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сиротиница О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 26–31.
2. Arndt H., Jenny R. Intergrammar: Towards an Integrative Model of Verbal, Prosodic and Kinesic Choices in Speech. Berlin ; N. Y. ; Amsterdam : Mouton de Gruyter, 1987. 462 p.
3. Watts R., Ide S., Ehlich K. Introduction // Politeness in Language: Studies in its History, Theory and Practice / eds. R. Watts, S. Ide, K. Ehlich. 2nd ed. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter, 2005. P. 1–17.
4. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М. : Изд-во РУДН, 2003. 316 с.
5. Ларина Т. В. Английский стиль фатической коммуникации // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 251–262.
6. Леонтьев В. В. Дискурсивный поворот в теории лингвистической вежливости: К образованию теории лингвистической невежливости // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. С. 222–228.
7. Леонтьев В. В. Лингвистическая (не)вежливость: к проблеме содержания категории // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 70–83.
8. Rammatir P. Русская речь и рынок: Традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М. : Языки славянской культуры, 2013. 456 с.
9. Руднева Е. А. Антропология вежливости: общекультурные и локальные нормы взаимодействия // Антропологический форум. 2016. № 30. С. 215–242.
10. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. 2nd ed. Cambridge: CUP, 1987. 348 p.
11. Kádár D. Z., Haugh M. Understanding Politeness. Cambridge: CUP, 2013. 296 p.
12. Leech G. Principles of Pragmatics. L.; N. Y.: Longman, 1983. 250 p.
13. Locher M., Watts R. Politeness theory and relational work // J. of Polit. Res. 2005. Vol. 1, № 1. P. 9–33.
14. Mills S. Gender and Politeness. Cambridge: CUP, 2003. 270 p.
15. Stewart M. Politeness In Britain: 'It's only a suggestion' // Politeness in Europe / eds. L. Hickey, M. Stewart. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters Ltd., 2005. P. 116–129.
16. Watts R. Politeness. Cambridge: CUP, 2003. 308 p.
17. Spencer-Oatey H. (Im)politeness, face and perception of rapport // J. of Polit. Res. 2005. Vol. 1, № 1. P. 95–119.
18. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006. 376 с.
19. Щурина Ю. В. Шутка // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 284–294.
20. Kienpointner M. Varieties of rudeness: Types and functions of impolite utterances // Functions of Language. 1997. Vol. 4, № 2. P. 251–287.
21. Dynel M. No aggression, only teasing: The pragmatics of teasing and banter // Lodz Papers in Pragmatics. 2008. Vol. 4, № 2. P. 241–261.
22. Haugh M., Bousfield D. Mock impoliteness, jocular mockery and jocular abuse in Australian and British English // J. of Pragmatics. 2012. Vol. 44. P. 1099–1114.
23. Culpeper J., Haugh M. Sinkeviciute V. (Im)politeness and mixed messages // The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness / eds. J. Culpeper, M. Haugh, D. Z. Kádár. L.: Palgrave MacMillan, 2017. P. 323–355.
24. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б. А. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М. : Гнозис, 1994. С. 219–254.
25. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М. : ГлобалКом, 2013. 336 с.
26. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
27. Санников А. В. Высмеивать, осмеивать, высучивать, засмеять // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М. : Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 206–209.
28. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/314502> (дата обращения: 19.11.2017).
29. Новый Большой англо-русский словарь: в 3 т. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. 5-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 2000.

30. Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English / ed. S. Wehmeier. 6th ed. Oxford: OUP, 2000. 1539 p.

31. Карасик В. И. Концептуализация насмешки в языковом сознании // Коммуникация. Мышление. Личность. Саратов: ИЦ «Наука», 2012. С. 231–241.

REFERENCES

1. Sirotinina O. B. Nekotorye razmyshleniya po povodu terminov "rechevoi zhanr" i " ritoricheskiy zhanr" [Some thoughts on the terms "speech genre" and "rhetoric genre"]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr. Vyp. 2* [Speech genres: coll. of sci. works. Iss. 2]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1999, pp. 26–31 (in Russian).
2. Arndt H., Jenny R. *Intergrammar: Towards an Integrative Model of Verbal, Prosodic and Kinesic Choices in Speech*. Berlin, New York, Amsterdam, Mouton de Gruyter, 1987. 462 p.
3. Watts R., Ide S., Enlich K. *Introduction. Politeness in Language: Studies in its History, Theory and Practice*. 2nd ed. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2005, pp. 1–17.
4. Larina T. V. *Kategoriya veshlivosti v angliyskoi i russkoi kommunikativnykh kulturakh* [The Category of Politeness in Russian and English Communicative Cultures]. Moscow, Izd-vo RUDN, 2003. 330 p. (in Russian).
5. Larina T. V. *Angliyskiy stil' faticheskoj kommunikatsii* [The English style of phatic communication]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr. Vyp. 4. Zhanr i kontsept* [Speech Genres: coll. of sci. works. Iss. 4. Genre and concept]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 2005, pp. 251–262 (in Russian).
6. Leontyev V. V. *Diskursivnyi povorot v teorii lingvisticheskoi veshlivosti: K obrazovaniyu teorii lingvisticheskoi neveshlivosti* [The discursive turn in the theory of linguistic politeness: To the emerging of the theory of linguistic impoliteness]. In: *Kommunikativnye aspekty sovremennoy lingvistiki i lingvodidaktiki* [Communicative aspects of contemporary linguistics and lingua-didactics]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2012, pp. 222–228 (in Russian).
7. Leontyev V. V. *Lingvisticheskaya (ne)veshlivost': k probleme soderzhaniya kategorii* [Linguistic (im)politeness: to the problem of category content]. *Ekhnologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 2013, no. 1, pp. 70–83 (in Russian).
8. Rathmayer R. *Russkaya rech' i rynek: traditsii i innovatsii v povsednevnom obstchenii* [The Russian Speech and Market: Traditions and innovations in everyday communication]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2013. 456 p. (in Russian).
9. Rudneva E. A. *Antropologiya veshlivosti: obshchie i lokal'nye normy vzaimodeistviya* [The anthropology of politeness: general and local norms in everyday communication]. *Antropologicheskii Forum* [The Anthropological Forum], 2016, vol. 30, pp. 215–242 (in Russian).
10. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. 2nd ed. Cambridge, CUP, 1987. 348 p.
11. Kádár D. Z., Haugh M. *Understanding Politeness*. Cambridge, CUP, 2013. 296 p.
12. Leech G. *Principles of Pragmatics*. London, New York, Longman, 1983. 250 p.
13. Locher M., Watts R. *Politeness theory and relational work*. *Journal of Politeness Research*, 2005, vol. 1, no. 1, 2005, pp. 9–33.
14. Mills S. *Gender and Politeness*. Cambridge, CUP, 2003. 270 p.
15. Stewart M. *Politeness In Britain: 'It's only a suggestion'*. *Politeness in Europe*. Clevedon, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters Ltd., 2005, pp. 116–129.
16. Watts R. *Politeness*. Cambridge, CUP, 2003. 308 p.
17. Spencer-Oatey H. (Im)politeness, face and perception of rapport, *Journal of Politeness Research*, 2015, vol. 1, no. 1, pp. 95–119.
18. Dementyev V. V. *Nepryamaya kommunikatsia* [The Indirect Communication]. Moscow, Gnosis Publ., 2006, 376 p. (in Russian).
19. Shchurina Yu. V. *Shutka* [A joke]. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsia* [The Anthology of Speech Genres: Everyday communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 284–294 (in Russian).
20. Kienpointner M. *Varieties of rudeness: Types and functions of impolite utterances*. *Functions of Language*, 1997, vol. 4, no. 2, pp. 251–287.
21. Dynel M. *No aggression, only teasing: The pragmatics of teasing and banter*. *Lodz Papers in Pragmatics*, 2008, vol. 4, no. 2, pp. 241–261.
22. Haugh M., Bousfield D. *Mock impoliteness, jocular mockery and jocular abuse in Australian and British English*. *Journal of Pragmatics*, 2012, vol. 44, pp. 1099–1114.
23. Culpeper J., Haugh M. *Sinkeviciute V. (Im)politeness and mixed messages*. *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness*. London, Palgrave MacMillan, 2017, pp. 323–355.
24. Lotman Yu. M., Uspenskiy B. A. *Rol' dual'nykh modeley v dinamike russkoy kultury (do kontsa XVIII veka)* [The role of the dual models in the dynamics of the Russian culture (up to the end of the XVIII century)]. *Uspenskiy B. A. Izbrannye trudy: v 2 t. T. I. Semiotika istorii. Semiotika kultury* [Uspenskiy B. A. The Selected Papers: in 2 vols., vol. 1. Semiotics of History. Semiotics of Culture]. Moscow, Gnosis Publ., 1994, pp. 219–254 (in Russian).
25. Dementyev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoi kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [The Communicative Values of the Russian Culture: the Category of Personality in Lexics and Pragmatics]. Moscow, GlobalKom Publ., 2013. 336 p. (in Russian).
26. Kuznetsov S. A. *Bolshoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p. (in Russian).
27. Sannikov A. V. *Vysmeivat', osmeivat', vyshuchivat', zasmeyat'* [To Ridicule, to Mock, to Make Fun of, to Laugh to Scorn]. In: *Novyi ob'yasnitelnyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [The New Explanatory Dictionary of Synonyms of Russian Language]. 2nd ed. Moscow, Shkola "Yazyki slavyanskoy kul'tury" Publ., 2003, pp. 206–209 (in Russian).
28. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* (The Explanatory Dictionary of the Lively Great Russian Language). Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/314502> (Accessed 18 November 2017) (in Russian).
29. *Novyi Bolshoi Anglo-Russkiy Slovar'*: v 3 t. [The New Big Anglo-Russian Dictionary: in 3 vols]. 5th ed. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2000 (in Russian).
30. *Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English*. 6th ed. Oxford, OUP, 2000. 1539 p.
31. Karasik V. I. *Kontseptualizatsia nasmeshki v yazykovom soznanii* [The conceptualisation of mockery in the language consciousness]. In: *Kommunikatsia. Myshlenie. Lichnost'* [Communication. Thinking. Personality]. Saratov, ITs "Nauka", 2012, pp. 231–241 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 01.12.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Леонтьев В. В. Речевое подтрунивание в русской и английской лингвокультурах // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 119–126. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-119-126

For citation

Leontyev V. V. Banter in Russian and English Linguacultures. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 119–126. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-119-126